

На правах рукописи

ЦЫРЕНДОРЖИЕВА БАИРМА ДАМБИЕВНА

1

**МЕЖФРАЗОВЫЕ СВЯЗИ В СОВРЕМЕННОМ БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ КАТЕГОРИИ ЛИЧНОГО ПРИТЯЖАНИЯ)**

Специальность 10.02.22 – языки народов зарубежных стран Европы,
Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии
(монгольские языки)

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

2 1 (000000)

Улан-Удэ – 2008

Работа выполнена на кафедре бурятского языка
Национально-гуманитарного института ГОУ ВПО «Бурятский
государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Шагдаров Лубсан Доржиевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Цыденжапов Шираб-Нимбу Ринчинович

кандидат филологических наук
Жапова Должид Цыбановна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Иркутский государственный
университет»

Защита состоится «3» декабря 2008 г. в 15.00 часов на заседании
диссертационного совета Д 003.027.02 в Институте монголоведе-
ния, буддологии и тибетологии СО РАН по адресу: 670047, Респуб-
лика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул.Сахьяновой, 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Бу-
рятского научного центра СО РАН по адресу: г. Улан-Удэ, ул.
Сахьяновой, 6.

Автореферат разослан «01» ноября 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

 Цыбикова Б-Х.Б.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Бурное развитие лингвистики текста, как в отечественном, так и зарубежном языкознании, открывает новые перспективы и возможности более детального исследования языковых явлений на материале различных языков мира. Накоплен достаточно большой лингвистический опыт изучения единиц больших, чем предложение, – сверхфразового единства и текста, что создает солидную базу для, более глубокого проникновения в языковую сущность тех явлений, которые вызывали определенные затруднения при их традиционном описании на уровне предложения. Полученные результаты и достижения побуждают к изучению и всестороннему анализу структурной организации текста в современном бурятском языке и выявлению лингвистических средств, которые осуществляют цельность и связность сверхфразового единства и текста в целом. Этим и определяется **актуальность** настоящего исследования.

Несмотря на то, что современное бурятоведение имеет большие достижения в области синтаксиса и морфологии современного бурятского языка, изучение вопросов организации текста до сих пор не получило должного освещения, чем и обусловлен выбор темы исследования.

Объект исследования: текст и средства его организации в современном бурятском языке.

Предмет исследования: категория личного притяжания как средство межфразовой связи в современном бурятском языке.

Цель исследования состоит в комплексном функционально-семантическом изучении категории личного притяжания как одного из средств межфразовой связи бурятского текста.

Поставленная цель предопределила решение следующих задач:

- выделить и описать основную единицу современного бурятского текста на основе разработанных критериев и параметров;
- определить основные типы межфразовой связи в бурятском языке;
- рассмотреть грамматическую природу лично-притяжательных форм, выявить их значения и функции, реализуемые в синтаксическом контексте;
- исследовать функционирование категории личного притяжания на уровне сверхфразового единства и на уровне текста.

Гипотеза исследования:

1. В современном бурятском языке основной единицей текста является сверхфразовое единство, цельность и связность которого осуществляются лексико-грамматическими средствами.

2. Категория личного притяжания является одним из важнейших средств связи, обеспечивающих структурную организацию бурятского текста.

Методы исследования: структурный и функциональный анализ с привлечением элементов трансформационного, компонентного и статистического методов; сравнительно-описательный.

Методологическую основу исследования составляют лингвистические концепции отечественных и зарубежных исследователей (В.В. Виноградов, А.М. Пешковский, Н.С. Поспелов, И.А. Фигуровский, В. Матезиус и другие); труды по лингвистике текста (И.Р. Гальперин, Х. Вайнрих, М.В. Всеволодова, Н.Д. Зарубина, Г.А. Золотова, В. Дресслер, Т. ван Дейк, М.Я. Дымарский, Л.М. Лосева, О.И. Москальская, Н.И. Серкова, Г.Я. Солганик, Т.М. Николаева, О.А. Нечаева, Е.А. Реферовская, З.Я. Тураева, Л.Г. Фридман и другие), исследования в монголоведении (С. Галсан, С.А. Крылов, В.М. Наделяев, Г.Д. Санжеев, Е.К. Скрибник, Г.Ц. Пюрбеев, Б.Х. Тодаева, С.Л. Чариков, М.И. Черемисина и другие), исследования бурятских ученых в области морфологии и синтаксиса (Д.Д. Амоголонов, Т.А. Бертагаев, У-Ж. Ш. Дондуков, Д.Д. Доржиев, В.И. Рассадин, Г.Д. Санжеев, Ц.Б. Цыдендамбаев, Ц.Ц. Цыдыпов, Л.Д. Шагдаров и другие), стилистики (Л.Д. Шагдаров, Д.Д. Санжина, Л.М. Балдуева).

На защиту выносятся следующие **положения:**

1. Критерии и параметры выделения сверхфразового единства в качестве основной единицы текста применимы к бурятскому тексту.

2. В современном бурятском языке связность и цельность сверхфразового единства и текста осуществляются лексико-грамматическими средствами связи, универсальными для большинства языков.

3. В современном бурятском языке грамматическая категория личного притяжания полифункциональна. Реализация составляющих ее сем определяется окружающим контекстом.

4. Категория личного притяжания наряду с другими лексико-грамматическими средствами обеспечивает связность текста, тем самым реализуя текстообразующую функцию.

Научная новизна работы заключается в том, что попытка рассмотреть функционирование категории личного притяжания в качестве средства межфразовой связи предпринимается впервые. Новым является выявление механизма интеграции предложений в составе текста и определение организующей роли категории личного притяжания в его создании.

Теоретическое значение работы состоит в том, что результаты проведенного исследования категории личного притяжания на синтаксическом уровне открывают перспективы для нового и более глубокого рассмотрения языковых единиц в рамках лингвистики текста, а также могут быть использованы при изучении лингвистических особенностей текстообразования в современном монголоязычении.

Практическая значимость работы состоит в том, что полученные выводы и результаты могут быть использованы в теоретических курсах грамматики и стилистики современного бурятского языка, лингвистического анализа бурятского текста, а также в курсе теории и практики перевода с бурятского языка на русский и с русского языка на бурятский и в спецсеминарах по лингвистике текста монгольских языков. Предлагаемое теоретическое осмысление категории притяжания несомненно найдет применение в практике преподавания бурятского языка при его обучении как родному, так и второму в средних и высших учебных заведениях республики.

Материалом исследования послужили тексты романа-трилогии Д.Р.О. Батожабая «Төөригдэһэн хуби заяан» / «*Похищенное счастье*», рассказов Ц. Шагжина и периодической печати, главным образом, газеты «Буряад үнэн», общим объемом 1200 страниц. Детальному исследованию было подвергнуто 379 сверхфразовых единиц и 3172 случая употребления аффиксов личного притяжания.

Апробация работы. Основные теоретические положения и результаты исследования были представлены в виде докладов на ежегодных научно-практических конференциях Бурятского государственного университета (Улан-Удэ, 2003, 2004, 2007, 2008), межрегиональных научно-практических конференциях «Кулагинские чтения» (Чита, 2004); «Проблемы и перспективы преподавания бурятского языка и литературы» (Улан-Удэ, 2008); международных конференциях «Проблемы межкультурной коммуникации в преподава-

нии иностранных языков» (Улан-Удэ, 2004); «Живой язык: теоретические и социокультурные аспекты функционирования и развития современных монгольских языков» (Элиста, 2007).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснованы актуальность и научная новизна темы, выделены объект и предмет исследования, сформулированы цель и основные задачи, определены его теоретическая и практическая значимость, приведены методы исследования, обозначена методология, сформулированы основные положения, выносимые на защиту.

В **первой главе** «Вопросы организации сверхфразового единства и текста в современном языкознании» излагаются основные положения отечественного и зарубежного языкознания в области лингвистики текста, которые составляют теоретическую основу исследования. Установлено, что основной единицей текста является единство, объединяющее в своем составе ряд предложений и терминологически именуемое сверхфразовым единством (Н.И. Серкова, И.Р. Гальперин, О.И. Москальская, З.Я. Тураева, Н.Д. Зарубина и другие), под которым понимается «отрезок речи в форме последовательности двух или более самостоятельных предложений, объединенных общностью темы в смысловые блоки» [ЛЭС 1981:435]. Используя общепринятые критерии и параметры лингвистики текста при изучении сверхфразового единства на материале разных языков, нами предпринята попытка выделить сверхфразовое единство в бурятском тексте различных стилей. К примеру, на материале газетной статьи Д. Бальжинимаева «*Эвенк дуунууд зэдэлһээр*», фрагмент которой приводится ниже.

“Эвенк дуунууд зэдэлһээр”

- (1) *Эртэ урда сагнаа хойшо Байгал далайе тойрон ажаһуудаг арадай тоодо буряадууд, эвенкнүүд ородог байгаа. (1) Тэдэнэр олон зуугаад жэлэй туршада эбтэй зетэйгээр хаяа хадхан ажаһуудаг юм. (2) Эгээл тиймэһээ тэдэ арадуудай соёл, болбосорол, ёһо заншал бэе бэеһээ дулдыдан, дүтэрхы*

болоһон ааб даа. (3) Тээд тэдэ арадуудай өөрсэ илгаа гэхэдэ, хэлэн, хатар наадан, ёохор дуунууд ажахыгаа хүтэлбэрилхэ онсо аргууд гээшэ. (4)

- (2) *Һаяхан Буриадай гүрэнэй филармонини концертнэ танхим соо эвенк арадай суута хүбүүдэй нэгэн, композитор Виктор Степанович Гончиковой зохёохы замда зорюулагданан тоосоото концерт эмхидхэгдэбэ. (5)*

Бэлигтэй композиторые энэ һайндэрөөрнь амаршалхаяа Буриад республикын Правительствын, Арадай Хуралай түлөөлэгшэд, республикын олоннитэ, “Байгал” ансамблини болон соелой эмхи зургаануудай, үндэһэн арадуудай, соёлой түбүүдэй хүдэлмэрилэгшэд, нютагайхидынь, түрэл гаралынһ алоороо суглараа (6) (Б.ү.)

Оба сверхфразовых единства монотематичны и содержат микротемы (*буриядуудай болон эвенкнүүдэй соёл /культура бурят и эвенков* [сверхфразовое единство 1]); *В.С. Гончиковой тоосоото үдэшэ/ творческий вечер В.С. Гончикова* [сверхфразовое единство 2]), которые развивают собственно тему всей статьи (*творческий вечер эвенкийского композитора В.С. Гончикова*) и обеспечивают ее смысловое единство.

Это единство достигается использованием лингвистических средств, осуществляющих связь между предложениями сверхфразовых единств и между сверхфразовыми единствами в составе этого текста, а также функциональной перспективой, которая проявляется в тема-рема-ической организации предложений. Структурная связность единств достигается с помощью следующих средств связи:

- **лексических:** рекуррентность *арад / народ – арадууд / народы* [сверхфразовое единство 1], *композитор* [сверхфразовое единство 2]; употребление слов и словосочетаний одного тематического ряда, синонимов *ажануудаг / проживающие – ажахыгаа хүтэлбэрилхэ онсо аргууд / способы ведения хозяйства; соёл / культура – хатар нааданууд / танцы и игры – ёохор дуунууд / песни, сопровождающие ёхор – ёһо заншал / традиция; болбосо-рол / просвещение – хэлэн / язык* [сверхфразовое единство 1]; *фи-*

лармони / филармония – концертнэ танхим / концертный зал – концерт – композитор соёлой эмхи зургаан / учреждение культуры – соёлой түб / культурный центр – зохёохы зам / творческий путь; зорюулагданан концерт / посвященный концерт – найндэрөөрнь амаршалхаяа / чтобы поздравить с праздником [сверхфразовое единство 2];

- **морфологических:** употребление союзов и союзных слов *теэд / однако, эгээл тинимэһээ / именно поэтому* [сверхфразовое единство 1]; *дейктических элементов тэдэнэр / они, тэдэ (арадуудай) / этих (народов)* [сверхфразовое единство 1]; *эһэ (найндэрөөрнь) / с этим (праздником)* [сверхфразовое единство 2]; *сочетания частиц ааб даа / которое соответствует русскому конечно* [сверхфразовое единство 1]; *временной формы сказуемого эмхидхэгдэбэ / был организован – суглараа / собрались* [сверхфразовое единство 2];

- **синтаксических:** функциональная перспектива предложений: *сверхфразовому единству 1* соответствует тематическая цепочка со сквозной моделью $T_1 - P_1; T_1 - P_2; T_1 - P_3; T_1 - P_4$; *сверхфразовому единству 2* соответствует простая линейная тематическая прогрессия $T_1 - P_1$.

Таким образом, при изучении бурятского текста использование критериев и параметров выделения сверхфразового единства, разработанных на материале других языков, показывает, что они могут быть применены к бурятскому языку и служить в качестве исходных при изучении структурной организации текста. Можно считать, что сверхфразовое единство также является основной единицей бурятского текста и ему присущи общие характеристики, которые позволяют выделять его в качестве самостоятельной единицы. Сверхфразовое единство обладает коммуникативно-смысловой целостностью, его структурная связность обеспечивается формальными лексическими, морфологическими и синтаксическими средствами связи.

Как видно, существующие в лингвистике текста критерии и параметры выделения сверхфразового единства, а также языковые средства, обеспечивающие его цельность и связность, представляют собой языковые универсалии и могут успешно приме-

няться для изучения текстообразования в бурятском языке. Вместе с тем изучение языковых средств, участвующих в организации текста, показало, что в бурятском языке существует специфическая морфологическая категория, которая наряду с универсальными языковыми средствами связи также обеспечивает связность текста. Это категория личного притяжания. Выяснению ее роли в организации текста посвящена вторая глава «Категория личного притяжания как средство межфразовой связи в современном бурятском языке».

В соответствии с поставленными задачами глава делится на два параграфа. В первом параграфе «Формы и функции категории личного притяжания в современном бурятском языке» проводится последовательное изучение семантических и морфологических признаков аффиксов личного притяжания в сочетании с такими частями речи, как имя существительное, глагол, наречие, послелог, местоимение, имя прилагательное и имя числительное.

Категория личного притяжания выражает принадлежность предмета определенному лицу и реализуется при помощи аффиксов *-мни (-ни, -м), -мнай (-най), -шни, -тнай, -нь (-ынь, -иннь)*, выбор которых определяется фонологическим окружением. Словоформы с аффиксами личного притяжания образуют агглютинативную форму слова, которая фонетически и графически представляет собой единое целое *абамни/мой отец*. Такая спаянность компонентов обусловлена новым грамматическим значением, приобретаемым этой словоформой, и которое невозможно вывести из суммы значений ее составляющих. В сочетаниях словоформ с аффиксами личного притяжания возникает значение определенности, которое обеспечивает семантическое и функциональное единство этих единиц. Более того, это значение проявляется при присоединении аффиксов личного притяжания практически ко всем частям речи. Реализация других значений зависит от того, к какой части речи присоединяется аффикс личного притяжания, что свидетельствует о зависимости его значения от лингвистического окружения. Изучение материала показало, что состав сем неодинаков при употреблении аффиксов личного притяжания с разными частями речи. Эти данные приведены в Таблице 1, из которой следует, что в

сочетаниях аффиксов личного притяжания с именами существительными (1218 случаев) реализуются семы «принадлежность», «указание на лицо», «субъект обладания» и «определенность», которые отсутствуют, например, при их сочетании с наречиями места и времени (279 случаев).

В Таблице 1 приведены 10 значений, которые могут передаваться аффиксами личного притяжания. Это позволяет сделать вывод о том, что в бурятском языке категория личного притяжания **полифункциональна**. Схематически это можно представить следующим образом:

Второй параграф «Текстообразующая функция категории личного притяжания» посвящен изучению функционирования аффиксов личного притяжания на синтаксическом уровне. Проведенное исследование языкового материала показало, что категория личного притяжания наряду с другими лексико-грамматическими средствами способна обеспечивать цельность и связность текста, т.е. выполнять текстообразующую функцию. Аффиксы личного притяжания

Таблица 1

Значения аффиксов личного притяжания при употреблении с различными частями речи

++ - основные семы, + - дополнительные семы

№	Семы	С именами существительными	С именами прилагательными	С именами числительными	С причастиями (деепричастиями)			С наречиями места и времени	С местоимениями
					в составе оборота	в функции подлежащего, дополнения	в функции сказуемого		
1.	принадлежность	++							+
	- отношение части к целому	+	+	+					+
	- личные и социальные отношения	+							
2.	указание на лицо	++	++	++		++			+
3.	субъект обладания	++							+
	- субъект действия					+	++		+
4.	указание на лицо зависимого предиката				++				+
5.	субъект зависимого предиката				++				+
6.	точка отсчета по отношению к лицу							++	+
7.	соотнесенность с лицом			+				+	+
8.	определенность	+	+	+	+	+	+	+	++
9.	близость отношений	+	+	+					+
10	• выделение из ряда по признаку		++						+
	• выделение из ряда по количеству			++					+
	• выделение из ряда по действию					++			+
	• контактность с последующим действием						++		+

могут выступать в качестве формального средства связи между элементами текста, анафорического средства, актуального членения высказывания и в качестве средства организации пространственно-временных отношений речевого произведения.

Аффиксы личного притяжания как формальное средство связи

На уровне предложения аффиксы личного притяжания осуществляют связь между его словами.

Ирина Найдановнагай гэртэхииний ажалдань яһала туһалдаг./Родные Ирины Найдановны помогают ей в работе (Б.ү.)

Здесь аффикс личного притяжания 3-го лица *-иний* употреблен с именем существительным *гэртэхин/родные* и передает значение принадлежности слова *гэртэхин* субъекту в 3-м лице Ирине Найдановне. Что касается аффикса личного притяжания *-нь* в сочетании с именем существительным *ажалда/в работе* в форме дательного-местного падежа, то он показывает, что родные помогают Ирине Найдановне именно в ее работе.

На уровне сверхфразового единства аффиксы личного притяжания осуществляют семантическую и структурную (контактную и дистантную) связи между предложениями в сверхфразовом единстве.

Контактная связь

Улаан-Удэ хотын Үндэхэтэнэй номой санда дээдэ, тусхай дунда һургуулинуудай хабарай ярмаг үнгэрөө. Түрүүшынхнээ үнгэрэгшэ намар эмхидхэгдэхэдэнь, энэ хэмжээ ябуулгыг заншалта болгохо гэжэ хэлсэгдэлэн юм.! В национальной библиотеке города Улан-Удэ прошла весенняя ярмарка учебных мест вузов и ССУЗов республики. Впервые она была организована прошлой осенью, и было принято решение о том, что это мероприятие станет традиционным (Б.ү.).

Аффикс личного притяжания *-нь* в составе причастия *эмхидхэгдэхэдэ* (предложение 2) соотносит выраженное им действие со словом *ярмаг*, которое является субъектом предшествующего предложения. Таким образом, этот аффикс устанавливает прочную структурную связь между предложениями.

Дистантная связь

Бүхэнүүд гарайнгаа хурга мушхалсаба...(1) Гэнтэ даб гээд, Бүхэ Ламын толгойе Аламжа хугадаа хабшуулжархина. (2) Хүзүүгүй толгойгоо бэлэхэнээр Бүхэ Лама хугалжа, нюдөө шабхагашуулба. (3) Хүлхэн болошоһон хүнэй хугада нюураа хабшуулхада юу найн байхаб! (4) Хэды дахин нюдөө аршажа, һооргэ хараад зогсохотойнь хамта Аламжа дахин довтолбо. (5) Борцы сошлись Аламжи рванулся и зажал голову Бүхэ-ламы под мышкой Тот быстро выпрямился и высвободил голову. Бүхэ-Лама тяжело дышал, вращал налитыми кровью глазами. Что хорошего быть зажатым головой под мышкой другого борца! Отступая, он вытер глаза и остановился Аламжи настиг его и начал атаковать (Д-Р.Б., с.126).

Аффикс личного притяжания -*нь* в сочетании с причастием будущего времени в форме совместного падежа *зогсохотой хамта/как только остановился* связывает пятое предложение с третьим, т.к. -*нь* показывает, что исполнителем этих действий является субъект третьего предложения Бүхэ-лама.

На уровне текста аффиксы личного притяжания обеспечивают связь между сверхфразовыми единствами текста.

- (1) *Ябашье энэ найр дээрэ оройло хэрэгтэй. (1) Тэрэгүй наа бүхэли наһаараа барлаг боложо ошо! (2) Барлаг болохо дурагүй наа, үрэ хүүгэдээ дахуулаад, гуйраншан боложо яба! (3) Эгээл нимэ зам Аламжын урда хоёр тээшээ асатан байгаа бэлэй. (4) Во что бы то ни стало нужно победить на празднике Иначе всю жизнь будешь батраком или нищим! Вот таков был выбор, перед которым стоял Аламжи...*
- (2) *Найрай болохо саг бүришье дүтэлшоо. (5) Хоёр хүүгэдтэй һамгаяа ой соо орхижо, найрта ошохонь аймшагтай. (6) Время праздника приближалось Но он (Аламжи) никак не мог оставить жену с двумя детьми одних в лесу, а сам уехать на праздник (Д-Р. Б., с.76-77).*

Аффикс личного притяжания -*нь* в составе сказуемого *ошохо/поехать* в шестом предложении отсылает к субъекту действия Аламжи, являющемуся исполнителем этого действия, о котором шла речь в предшествующем сверхфразовом единстве. Несмотря на

отсутствии субъекта действия во втором сверхфразовом единстве, оно органично связано с последующим единством благодаря наличию рассматриваемого аффикса личного притяжания, который и осуществляет связь между двумя контактно расположенными единствами.

Аффиксы личного притяжания как анафорическое средство связи

Аффиксы личного притяжания способны указывать на предшествующие слова и отсылать к ранее сказанному, т.е. антецеденту.

Унанда садаһан мүргэлшэн арай гэжэ үндыбэшье, урдаа хэбтэһэн малгайдаа хүрэхэ шадалгүй дээрһээ уйтай нюдөөр голый эрье шэртэн нуугаа һэн. (1) Тэрэнэй нюдэндэ газар шарлажа, бутархай эһэндэ толгойгоо бухан хэбтэшэхэ дураниинь хүрэнэ. (2) Харгыгаар урдажа ябаһан хүн зоной шууяан шэхэндэнь соностоһоор байба (3) «Ингээд яаха гээшэби! Хээрэ үхэхэмни гү?» гэһэн һанал толгой соонь орожо, эндэһээ түргэн ябаха гэжэ шэбшэбэ. (4) Гэнтэ хажуугаарнь юумэн бүрэгэд гэжэ мүнөө һаяхан мүльһэ сооложо ууһан сарма дээрэнь гуринха элжэгэн хушуугаараа няалдашаба. (5) Мүргэлшэ ламын сошордон харахада, бадаршанай зайдалдаг элжэгэн уһа уужа байгаа һэн. (6) Паломник приник к воде и тил очень долго. Напившись воды, не в силах дотянуться до шапки, он сидел, печально глядя на берег. Земля вокруг него была желтой, и (его) охватило желание лечь и зарыться головой в песок. В ушах (его) слышался шум людей, двигавшихся по дороге. «Неужели я так и умру на чужбине, не дойду до Лхасы? Что же делать?!», - промелькнуло (у него) в голове, и он подумал, что нужно быстрее уходить отсюда. В эту минуту какое-то животное рядом (с ним) уткнулось мордой в трещину льда, откуда все еще шла вода, и он сразу же узнал ослика бадарчин-ламы (Д-Р. Б, с.192).

В тексте содержится шесть случаев употребления аффиксов личного притяжания: *хэбтэшэхэ дураниинь хүрэнэ/его охватило желание лечь, шэхэндэнь соностоһоор байба/слышится в (его) ушах, хээрэ үхэхэмни гү?/неужели так и умру на чужбине, в степи?, толгой соонь /в его голове, хажуугаарнь/рядом с ним,*

ууһан сарма дээрэнһ /над трещиной, из которой он шел. Все существительные, оформленные аффиксами *-инь*, *-нь* и *-мни*, соотносятся с одним и тем же референтом *мүргэлшэн/паламник*, о котором говорится в первом предложении этого сверхфразового единства. Иначе говоря, все протекающие действия – *охватило желание зарыться головой в песок; слышались голоса людей, двигавшихся по дороге; умру на чужбине, в глуши; промелькнуло в голове; что-то пробежало рядом; осел приник к воде* – объединены вокруг одного субъекта речи *мүргэлшэн*. Аффиксы личного притяжания обеспечивают адекватное восприятие текста: они соотносят все действия с их исполнителем, о котором говорилось в предыдущем контексте.

Исследуемый материал показывает, что при осуществлении анафорической связи аффиксы личного притяжания могут отсылать не только к одному предмету (субъекту или объекту) речи, но и к разным предметам речи.

Уна балгаһан мэтэ дуугай, урда урдаһаа харалсангүй, өөр өөрынгөө бодолдо тэдэнэй абтанги һуутар Ади хүгшэн хоёрдохи дабхарһаа бууба (1).

Тэрэ үбгэжөөлдөө адли мүн лэ марлагүй, мүнгэн сагаан толгойтой (2) *Елэгэр хара нюдэнинь үзүүртэйгээр ялалзана*(3).

Үсэгэлдэршые нимэ нэмһэглиг бэшэ шэгтэй, хүйтэншэгөөр Балгада харагдаа һэн (4). *Мүнөө адаглахадань, тэрэл зандаа, Аянай ошоһые мэдээгүйнь эли* (5) /Пока они, пряча глаза, сидели словно набрав в рот воды, (бабушка) Ади спустилась со второго этажа Так же, как и старик (ее муж), (она) сухощавая, с белоснежной сединой Лишь ее черные блестящие глаза грозно сверкают И вчера она показалаь Балте строгой и холодной И сегодня совершенно такая же, как он отметил про себя, еще ничего не знает, что Аян уехала (Д.Э., с.6).

В приведенном сверхфразовом единстве аффикс личного притяжания *-инь* в составе существительного *нюдэн/глаза* в третьем предложении соотносится с предметом речи, выраженным местоимением *тэрэ/она* во втором и сочетанием *Ади хүгшэн/ бабушка Ади* в третьем предложениях. В пятом предложении аффикс личного притяжания *-нь* в сочетании с причастием будущего времени в

форме дательно-местного падежа *адаглаха/наблюдать* связывает его с четвертым предложением, соотносит действие *адаглаха* с субъектом этого предложения (Балта).

Анафорическими свойствами обладают также детерминанты, занимающие начальное положение в сверхфразовых единствах. Так, например, детерминант *үглөөдэрынь/на следующий день* соотносит события, изложенные в приведенном ниже сверхфразовом единстве, с предшествующими событиями.

Үглөөдэрынь би Пашкаяа үдэшөө нэм. Мүнөө тэрэмни Волго дээрэ бодхоогдожо байһан томо барилгын парторг байгаа. На следующий день я проводил Пашку. К этому времени он был парторгом крупного строительства на Волге (Ц.Ш., с. 52)

Вместе с тем обращается внимание на то, что этот детерминант не ограничивается отсылкой, он суммирует в себе содержание всех событий, произошедших накануне, которые изложены в девяти достаточно объемных сверхфразовых единствах. В подобных случаях аффиксы личного притяжания выступают в качестве средства компрессии содержания предшествующей информации, устанавливая при этом анафорические отношения между элементами текста.

Аффиксы личного притяжания как средство актуального членения

Аффиксы личного притяжания участвуют в реализации тематических отношений: они могут функционировать как в составе темы, так и в составе ремы высказывания. Причем аффиксы личного притяжания чаще входят в состав тематической части высказывания. В случаях, когда они входят в коммуникативное ядро и являются частью ремы высказывания, их соотносительность с тематической частью сохраняется, и они выступают как тематические вкрапления в составе ремы высказывания.

Нүүдэл байдалтай монгол, буряад зон дайралдсан газартаа хээрэ хонохо ушартай болодог. (1) Ута хормойтой дэгэлээ тайлахадань, үргэн ехэ үнэтэй хүнжэл боложо үгэнэ ха юм! (2) Тохомоо дэбдижэ, эмээлээ дэрлээд, дэгэлээрээ хушалан бээрээ хаанашье ядамаггүй хонодог юм шуу. (3) Тинмэлээ бурядууд эмээл морёор дэлхэйе тойрохоноо арсахагүй байһаниннь сохом! (4) Кочевым монголам и бурятам нередко приходилось ночевать в степи В этом случае (их) дэгэл служил большим теплым меховым одеялом. Можно было расстелить войлочный потник, положить голову на седло, укрыться теплым дэгэлом и заночевать в степи. Поэтому никто из бурят не откажется объехать земной шар верхом на лошади (Д-Р.Б., с. 28.).

В составе второго предложения аффикс личного притяжания *-нь* присоединен к причастию *тайлахада/когда снимают* и входит в состав рематической части высказывания, что обусловлено коммуникативной перспективой сверхфразового единства. Предшествующее предложение вводит тему сверхфразового единства, т.к. сообщает о том, что раньше монголам и бурятам, ведущим кочевой образ жизни, приходилось ночевать в степи. Поэтому коммуникативной целью высказывания, следующего за ним предложения, является сообщение о том, что служило в этой ситуации теплым одеялом. Эта собственно новая информация передается рассматриваемым причастным оборотом *ута хормойтой дэгэлээ тайлахадань*, по отношению к которому *үргэн ехэ үнэтэй хүнжэл боложо үгэнэ ха юм* выступает в качестве темы высказывания.

Что касается аффикса личного притяжания *-нь* в *тайлахадань*, он устанавливает анафорические отношения, указывает на субъект действия предшествующего предложения. Иначе говоря, аффикс *-нь* представляет собой своего рода тематическое вкрапление в составе ремы [Ковтунова 1976:74].

Кроме того, аффиксы личного притяжания могут выступать в качестве маркеров второстепенной информации. Наряду с лично-предикативными частицами, которые всегда показывают грамматическое лицо подлежащего в предложении и выделяют главную информацию, аффиксы личного притяжания могут показывать лицо зависимого предиката. В сочетании с причастиями и деепричастия-

ми они образуют зависимую предикацию и показывают коммуникативно менее значимую информацию, указывая на второстепенность ситуации и несущественность информации, т.е. являются показателем коммуникативно не значимой части высказывания.

Түрүүн деревни соогуур ерэжэ ябахатаа, нэгэ шарахан тархитай хубуундэ нюдаргаа харуулаад гараа нэмди. (1) Теэд мүнөө тэрэмнай нүхэдөө суглуулаад, манаа угтажа байба хаям. (2) Тэдэнэрэй гэрэй булангай саанаһаа шууян нэрьен гуйлдэжэ гараад, маниие угтахадань, бидэнэр нэгэ бага сошоо, маргаа нэмди (3) Проезжая через деревню, мы погрозили рукой одному светловолосому мальчишке. Когда же мы возвращались, он (наш) ждал нас со своими друзьями Они встретили нас с шумом и гамом, выбежав из-за угла (дома); мы немного испугались и остановились в замешательстве (Ц.Ш., с.18).

В этом сверхфразовом единстве из предложения (3) ясно, что коммуникативным ядром этого высказывания является информация о том, что герои были напуганы и стояли в замешательстве. Поэтому эта коммуникативно значимая информация вынесена в главную часть предложения *бидэнэр нэгэ бага сошоо, маргаа нэмди/мы немного испугались и остановились в замешательстве* и оформлена лично-предикативной частицей *-мди*. В то время как действия мальчишек из соседнего села не вносят новую информацию (лишь дополнительно характеризуют действие из предыдущего предложения) и не играют существенной роли в этом предложении. Следовательно, их действия включены в зависимую часть (причастный оборот), и показатели лица в этом случае выражены аффиксами личного притяжания. С точки зрения участия в организации текста выделение двух систем личных показателей действия в бурятском языке объясняется, по нашему мнению, важностью различения в тексте главного действия и второстепенного, которое связано с главным и зависит от него. В этом случае, аффиксы личного притяжания маркируют второстепенное действие в предложении, тем самым управляют вниманием читающего; это особенно важно при построении текста, т.к. менее коммуникативно-значимая часть высказывания с аффиксом личного притяжания включается в причаст-

ный оборот, в то время как более информативная часть с лично-предикативными частицами располагается в главной части.

Аффиксы личного притяжания как средство выражения пространственно-временных отношений в тексте

Изучение случаев употребления аффиксов личного притяжания с обстоятельствами места и времени показало, что они всегда фиксируют центр, или точку отсчета, относительно которой локализуется пространство и время всех событий, описываемых в тексте.

Хиндэжэл ябанаб, хиндэжэл ябанаб.(1) *Хэдэн моридые ахижа, урдань оробо хэбэртэйб.* (2) *Баһа нэгыг ахижархибаб.* (3) *Урдамни үшөө хоёр-гурбан морид харайлдана хэбэртэй (А/Мчусь и мчусь вперед Несколько лошадей я обогнал (досл обогнав несколько лошадей, перед цими вышел), обогнал еще одного коня. Передо миой остались лишь две или три лошади (Ц.Ш., с.29-30).*

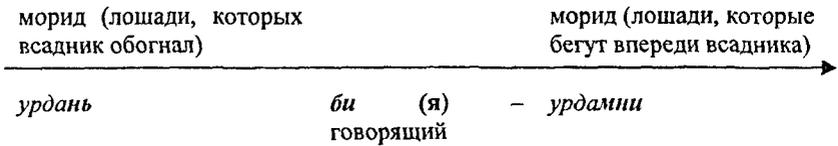
В приведенном сверхфразовом единстве наречие места *урда/впереди* употреблено дважды: с аффиксом личного притяжания 3-го лица *урдань/впереди них* и аффиксом личного притяжания 1-го лица единственного числа *урдамни/передо мной*. В первом случае аффикс *-нь* утрачивает категориальное значение принадлежности и в сочетании с обстоятельством места *урда* он устанавливает анафорические отношения, указывая на предшествующую информацию *хэдэн моридые ахижа/обогнав несколько лошадей*.

Если опустить аффикс *-нь*, то смысл высказывания становится неоднозначным. Высказывание может быть понято двояко: а) всадник (субъект), обогнав несколько лошадей, теперь скачет впереди всех лошадей; б) всадник (субъект), обогнав несколько лошадей, скачет впереди только тех лошадей, которых он обогнал, а впереди него могут быть другие лошади. Употребление аффикса *-нь* с *урда* показывает, что пространство локализовано впереди лошадей, которых обогнал всадник (субъект), и что действие, совершаемое им в этом пространстве, зафиксировано относительно него, т.е. точкой отсчета (центром) являются лошади, на что и указывает аффикс *-нь*. Таким образом, этот аффикс организует описываемые события относительно субъекта действия, т.е. обстоятельство места выступает в качестве своеобразной точки отсчета, которая соотносится с субъ-

ектом высказывания. Иначе говоря, аффиксы личного притяжания способны создавать пространственный континуум текста, фиксируя точку отсчета, относительно которой организуется пространство.

Сказанное в равной степени относится и к употреблению аффикса личного притяжания 1-го лица единственного числа -*мни* в случае с *урдамни* /*впереди меня*. Однако в отличие от *урдань* точкой отсчета в этом предложении является субъект высказывания *би/я*, т.е. лицо, от которого ведется повествование. Здесь пространство соотносится с говорящим *би/я*, и все события происходят впереди него, на что указывает аффикс -*мни*, который и выступает ориентиром пространства.

Вышесказанное можно представить в виде следующей схемы.

При употреблении с обстоятельствами времени аффиксы личного притяжания ориентируют во времени относительно действий, совершаемых персонажем, т.е. служат временной точкой отсчета: *үглөөдэринь / на следующий день после событий вчерашнего дня*.

Углөөдэринь манай нютагта зунай найр эхилжэ, бидэнэр үнөөхи агы нүхэн тухайгаа мартаа хэмди. Манай номоной найр нютагаймнай урдуур хабтайгша үргэн талын дунда болодог бэлэй /На следующий день (после этого) в нашем селе начался летний праздник, и мы забыли о нашей пещере Праздник нашего сомона проходил в широкой долине к югу от села (Ц.Ш., с.27.).

Таким образом, проведенное исследование категории личного притяжания как одного из специфических средств межфразовой связи в современном бурятском языке показало, что эта категория играет важную роль в организации текста.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования, формулируются выводы, а также намечаются направления дальнейшего исследования. Исследование показало, что:

1. Сверхфразовое единство является универсальной языковой единицей, которая также выделяется в бурятском тексте на основании установленных лингвистических параметров и критериев, и его целостность достигается универсальными для большинства языков лексическими, морфологическими и синтаксическими средствами.

2. Наряду с этими лексико-грамматическими средствами связи в бурятском языке существует категория личного притяжания, которая является средством связи между словами, предложениями и сверхфразовыми единствами, присущим монгольским языкам.

3. Семантическая структура категории личного притяжания образует агглютинативную форму слова с такими частями речи, как имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, наречие, послелог, причастие, является многозначной и включает 10 сем, реализация которых зависит от присоединяемой части речи.

4. Функция категории личного притяжания более явно проявляется на синтаксическом уровне, и ее можно обозначить как текстообразующую, т.к. она:

- осуществляет формальную связь (контактную и дистантную) на уровне сверхфразового единства и текста;

- выступает как анафорическое средство идентификации антецедента, разграничения предметов речи, компрессии содержания предшествующей информации;

- способствует реализации тема-рематических отношений, обеспечивая тем самым коммуникативную целостность сверхфразовых единств и текста;

- формально маркирует второстепенную информацию в тексте;

- организует пространственно-временной континуум текста.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Цырендоржиева Б.Д. Особенности синтаксического функционирования аффиксов личного притяжания в современном бурятском языке / Б.Д. Цырендоржиева // Проблемы межкультурной коммуникации в преподавании иностранных языков: материалы междунар. науч. конф. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2004. – С.100-103.

2. Цырендоржиева Б.Д. Роль аффиксов личного притяжания в формировании пространственно-временных параметров текста (на материале бурятского языка) / Б.Д. Цырендоржиева // Кулагинские

чтения: материалы IV Межрегион. науч.-практ. конф. – Чита, 2004. – С. 280-283.

3. Цырендоржиева Б.Д. Функционирование категории притяжения как средства межфразовой связи (на материале бурятского языка) / Б.Д. Цырендоржиева // Живой язык: теоретические и социокультурные аспекты функционирования и развития современных монгольских языков: материалы междунар. конф. – Элиста, 2007. – С. 117-119.

4. Цырендоржиева Б.Д. Проблема сверхфразового единства в бурятском языке / Б.Д. Цырендоржиева // Проблемы и перспективы преподавания бурятского языка и литературы: материалы межрегион. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ, 2008. – С. 144-148.

5. Цырендоржиева Б.Д. Об агглютинативной форме слова в монгольском и бурятском языках (на материале категории личного притяжения) / Б.Д. Цырендоржиева // Вестник Бурятского университета. Вып. 8. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2008. – С. 97-100.

6. Цырендоржиева Б.Д. О нейтрализации категориального значения притяжательных частиц в монгольских языках (на материале бурятского языка) / Б.Д. Цырендоржиева // Вестник Бурятского университета. Вып. 8. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2008. – С. 100-105.

7. Цырендоржиева Б.Д. Особенности структурной организации сверхфразового единства в современном бурятском языке / Б.Д. Цырендоржиева // Вестник Бурятского университета. Вып. 10. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2008. – С. 9-15.

Подписано в печать 24.10.08. Формат 60 x 84 1/16.
Усл. печ. л.1,3. Тираж 100. Заказ № 232.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а